

ГЛАГОЛЫ УСТОЙЧИВОГО СЛОВАРНОГО ФОНДА И СПИСКА М. СВОДЕША В ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

VERBS OF THE SUSTAINABLE VOCABULARY AND LIST OF M. SWADESH IN THE TURKIC AND MONGOLIAN LANGUAGES

I. Novgorodov

Summary. The verbs of the Leipzig-Jakarta list and M. Swadesh's roster are studied in order to explore the nature of the Turkic and Mongolian language relations. Turkic and Mongolian words do not have direct phonetic correspondence and do not allow to establish regular phonetic correspondences in order to reconstruct common Turkic-Mongolian roots. This casts doubt on the kinship of the Turkic and Mongolian languages and testifies to their convergence, which is evidenced by the facts of contacts, which led to mutual borrowing which begins in the 5th century A.D. in the Central Asia steppe zone.

Keywords: the Altaic hypothesis, Turkic, Mongolian, the Leipzig-Jakarta list, M. Swadesh's roster, reconstruction, verb.

Новгородов Иннокентий Николаевич

Д.филол.н., профессор-исследователь, СВФУ

им. М. К. Аммосова (Якутск)

i.n.novgorodov@mail.ru

Аннотация. Изучаются глаголы устойчивого словарного фонда (The Leipzig-Jakarta list) и списка М. Сводеша в целях выявления характера связей тюркских и монгольских языков. Тюркские и монгольские слова не имеют прямого фонетического соответствия и не позволяют установить закономерные фонетические соответствия в целях реконструкции общих тюркско-монгольских корней. Это подвергает сомнению родство тюркских и монгольских языков и свидетельствует об их конвергенции, которая засвидетельствована фактами контактов, что привело к взаимному разновременному заимствованию начиная с V века н.э. в Центральной Азии в зоне степей.

Ключевые слова: алтайская гипотеза, тюркский, монгольский, устойчивый словарный фонд, список М. Сводеша, реконструкция, глагол.

Введение

Актуальность обращения к данной теме предопределена существующими противоположными взглядами на характер связей тюркских, монгольских тунгусо-маньчжурских, корейского и японских языков.

Сторонники алтайской гипотезы объединяют узамы родства названные языки, которые развились из единого алтайского праязыка. Н.Н. Поппе — автор сравнительной грамматики алтайских языков утверждал, что чувашский язык развился не из пратюркского языка, а из общего предка тюркских и монгольских языков, и имеет ряд регулярных фонетических соответствий с тюркскими и монгольскими языками, например: соответствие Рамстедта-Пельо, ротацизм, ламбдаизм и другие [5]. В дальнейшем, указанные фонетические соответствия были перенесены на почву тунгусо-маньчжурских, корейского [24; 23] и японского языков [21].

Противники алтайской гипотезы утверждают, что сходства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японских языков возникли на базе конвергенции, контактов и заимствований [15; 16; 17; 12; 13; 28], а установленные фонетические соответствия являются закономерными фактами многократного освоения и адаптации заимствованных слов и аффиксов. Сторонниками

этого направления установлено, что масштабная конвергенция, основные контакты и заимствования осуществляются в направлении тюркских и монгольских; монгольских и тунгусо-маньчжурских; корейского и японских языков. В отношении тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков утверждается, что взаимодействие происходило в виде ступенчатого и преимущественно одностороннего влияния: тюркские языки влияли на монгольские, монгольские — на тунгусо-маньчжурские. Влияние в обратном направлении допускается в значительно меньших масштабах, тогда как возможность непосредственных тюркско-тунгусо-маньчжурских контактов либо ставится под сомнение, либо вовсе исключается. Здесь речь не идёт о довольно поздних взаимосвязях якутского, эвенкийского и эвенского языков. Примечателен скепсис О.Н. Бётлингера в отношении родства алтайских языков и заслуживает внимания его утверждение о том, что якутский язык первым выделился из пратюркского языка [1, с. 44;].

Таким образом, как для сторонников, так и для противников алтайской гипотезы чувашско-якутско-тюркско-монгольские языковые отношения представляют собой ядро, от всестороннего изучения которого зависит решение вопроса характера связей языков алтайской общности.

Для решения вопроса соотношения тюркских и монгольских языков как сторонники, так и противники ал-

тайской гипотезы обращались к различным процедурам, среди них исследование базисной лексики [7; 3; 25, сс. 164, 165; 4; 2; 12, сс. 66–91; 18].

Это обосновано тем, что система регулярных фонетических соответствий, доказывающих родство двух и более идиом, устанавливается на основе сопоставления базисных слов. Утверждается, что данный разряд слов наименее подвержен иноязычному влиянию. Известно, что к базисной лексике относятся части тела, наименования родства и другие разряды слов. В дальнейшем данная лексика была представлена в виде списков. Известны списки М. Сводеша и устойчивый словарный фонд (The Leipzig-Jakarta list). Так как авторы указанных трудов имеют дело с одним и тем же материалом, то часто он представлен в разных работах. Например, в списках М. Сводеша и устойчивого словарного фонда обнаруживаются 65 совпадений в значениях. И это обстоятельство представляя интерес для решения вопроса характера связей тюркских и монгольских языков формирует новизну работы.

В данной статье, я обратился к изучению устойчивого словарного фонда (The Leipzig-Jakarta list) и списка М. Сводеша.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в настоящее время в тюркологии и монголистика выдвигается задача написания истории конкретного тюркского, монгольского народа и его языка. В этой связи представляется важным рассмотрение основного вопроса: отношение к алтайской гипотезе в изучении тюркско-монгольских языковых связей.

Материалы и методы

Список М. Сводеша [27, с. 132] и его подход в изучении взаимоотношения языков [26] хорошо известен.

Устойчивый словарный фонд — это инструмент, состоящий из списка 100 наиболее устойчивых к заимствованию слов, используемый в целях установления соотношения языков мира по такому признаку, как сходство (resp. расхождение). Устойчивый словарный фонд был выделен лингвистами на основе изучения 41 языка мира в рамках проекта «Типология заимствования» (The Loanword Typology Project) [19].

100 словный устойчивый словарный фонд выявлен из 18 тематических групп: 1) the physical world/физический мир, 2) kinship/родство, 3) animals/животный мир, 4) the body/части тела, 5) food and drink/еда и питье, 7) the house/дом, 8) agriculture and vegetation/с/х и растительность, 9) basic actions and technology/основные действия и технология, 10) motion/движение, 11) possession/

обладание, 12) spatial relations/пространственные отношения, 13) quantity/количество, 14) time/время, 15) sense perception/чувственное восприятие, 16) emotions and values/эмоции и ценности, 17) cognition/познание, 18) speech and language/язык и речь, 24) miscellaneous function words / различные функциональные слова.

Как пишут авторы в книге «Loanwords in the World's languages», при создании этого списка слова выделялись по критериям: устойчивость к заимствованию (unborrowed score), всеобщность (representation score), доступность для восприятия (simplicity score), степень архаичности (age score), совокупность указанных данных (composite score) [19, с. 68].

В целом этот список из ста слов представлен в виде таблицы с учетом указанных критериев [19, сс. 69–70].

Далее, интерес представляет изучение глаголов. Обращение к глаголам предопределено тем, что они заимствуются редко. Кроме того, наличие глагольных параллелей в разных идиомах свидетельствует либо о наличии языкового родства, либо о смешении неродственных языков [11, с. 169].

Для анализа я привлек глаголы из устойчивого словарного фонда и списка М. Сводеша, представленные в трудах сторонников и противников алтайской гипотезы, причём рассматриваются глаголы, имеющие одни и те же значения в тюркских и монгольских языках. Из 25 глаголов устойчивого словарного фонда, 11 глаголов имеют те же значения в списке М. Сводеша. Они, с точки зрения сторонников алтайской гипотезы, имеют регулярные соответствия в тюркских и монгольских языках. К данным 11 глаголам нужно добавить ещё один. Речь идёт о глаголе to do/to make 'делать' устойчивого словарного фонда. Он не включается в список М. Сводеша, однако рассмотрен в устойчивом словарном фонде как сторонниками, так и противниками алтайской гипотезы, например, М. Роббитс и М. Эрдалом. Следует заметить, что с точки зрения С.А. Старостина пратюркский и прамонгольский не имеют ни одного глагольного схождения [7, с. 91].

Так как в статье представлены материалы тюркских и монгольских языков, то необходимо рассмотреть их состав.

Тюркскими языками являются: чувашский, огузские, кыпчакские, карлукские, урянхайские, смешанные, якутские языки. Современные тюркские языки даны согласно классификации А.М. Щербака [11, с. 12–42], в которую я внёс уточнение относительно чулымского языка, рассматриваемый мной как уральский кыпчакский язык, а не смешанный [20]. О пережитом состоянии современных языков свидетельствуют древнетюркские материалы VIII–XI веков.

На основании изучения древних и современных языков и применения сравнительного метода реконструируется фонетическая система пратюркского языка, локализовавшегося в центрально азиатском степном регионе в I веке до н.э. [9, с. 193; 11, с. 131]. Данная система проливает свет на тюркский корень, который реконструируется в виде односложного образования (моносиллаба) [9, сс. 118, 136, 137].

К монгольским языкам относятся: среднемонгольский (XIII век), монгольский письменный, баоаньский, бурятский, дагурский, дунсянский, калмыцкий, могольский, монгольский, монгорский, ойратский, шира югурский языки. Существуют разные классификации монгольских языков [22, с. 23; 14, с. 10]. По-видимому, до XII века монгольских письменных памятников не было вообще [12, с. 13]. Н.Н. Поппе предпринял попытку реконструкции фонетики монгольских языков [22]. Ученый восстанавливает как односложные корни: **qo* 'два', **ʒi* 'два', **ʒu* 'три', **dal* 'семь' [22, сс. 243, 244, 245, 246], так и многосложные: **bora* 'серый', **müqan* 'мясо', **niken* 'один', [22, сс. 99, 101, 145]. На мой взгляд, прав Дж. Клосон, который локализует монгольскую прародину в восточно-сибирской тайге и Маньчжурии в бронзовом веке [15, сс.10, 246].

Опираясь на опыт предшественников в статье используется сравнительный метод [9, сс. 14–19].

Результаты

Перед презентацией исследования следует указать, что цифра 7 является порядковым номером пункта устойчивого словарного фонда; 'to bite' – значением пункта на английском языке; 'кусать' – значением слова на русском языке; 4.58 — идентификационным номером списка из тематической базы данных «World loan word», которая доступна по адресу [http://wold.clld.org/meaning]; I) **isir* 'кусать' — реконструированной формой тюркского глагола; II) **ʒayu* 'кусать' — реконструированной формой монгольского глагола.

Подача материала устойчивого словарного фонда осуществляется согласно английского алфавита.

7. 'To bite', 'кусать', 4.58, I) **is* 'кусать' (> **isir* 'кусать' > як. *itir* id.); **tišle*-, **tišle* 'кусать' (> як. *tištā* 'вставлять зуб (в борону)', чув. *šalla* 'зазубривать, насекают зубец'); **qar* 'хватать, кусать' (> чув. *xip* 'хватать', як. хар. 'хватать', 'кусать (о лошади, собаке)') [4, с. 34, № 82; 9, с.194; 18, № 46; 3, сс. 157, 158, 160, 161]; II) **ʒayu* 'кусать'; **qaʒa* 'кусать' [4, с. 34, № 82; 12, с. 76; 18, № 46; 3, с. 162].

14. 'to burn (intransitive)', 'гореть', 1.852, I) **kiŋ* 'киснуть, бродить', 'гореть' (> як. *kiŋ* 'киснуть, бродить') [18, № 53; 9, с. 195; 3, с. 189] и **ʒan* 'гореть' (> чув. *s'un* id.); II) **siita* 'гореть' [18, № 53; 12, с. 87].

17. 'to come', 'приходить' 10.48, I) **käl* 'приходить' (> як. *käl* id., чув. *kiŋ* id.) [9, с. 195; 4, с. 34, № 84; 18, № 25]; II) **ire* 'приходить' [12, с. 75; 4, с. 34, № 84; 18, № 11].

20. 'to do/to make', 'делать' 9.11, I) **kiŋ* 'делать'; **āt* 'делать' (> чув. *at* id.) [9, с. 194; 18, № 25; 25, с. 165]; II) **ki* 'делать' [12, с. 77; 18, № 25] и **ʒasa* 'делать' [12, сс. 76, 204].

22. 'to drink', 'пить', 5.13, I) **ič* 'пить' (> як. *is* id., чув. *ēs* id.) [4, с. 34, № 86; 9, с. 194; 18, № 42; 3, с. 216]; II) **uyu* 'пить' [4, с. 34, № 86; 12, с. 89; 18, № 42].

24 'to eat', 'есть', 5.11, I) **9ā* 'есть' (> як. *siā* id., чув. *s'i* id.) [4, с. 34, № 87; 9, с. 196; 18, № 75; 3, с. 234]; II) **ide* 'есть' [4, с. 34, № 87; 12, с. 75; 18, № 75].

33. 'to give', 'давать', 11.21, I) **peŋ* 'давать' (> як. *biär* id., чув. *par* id.) [4, с. 34, № 89; 9, с. 195; 18, № 53; 13, с. 280]; II) **öy* 'давать' [4, с. 34, № 98; 12, с. 83; 18, № 53].

39 'to hear', 'слышать', 15.41, I) **äš* 'слышать' (> **äšit* 'слышать' > як. *ihiŋ* id., чув. *ilt* id.) [4, с. 34, № 90; 18, № 53; 11, с. 113; 3, с. 327]; II) **sonus* [4, с. 34, № 90; 18, № 53; 12, с. 87].

48 'to know', 'знать', 17.17, I) **pil* 'знать' (> як. *bil* id., чув. *päl* id.) [4, с. 35, № 92; 9, с. 195; 18, № 58; 3, с. 348]; II) **mede* 'знать' [4, с. 35, № 92; 12, с. 79; 18, № 58].

72 'to say', 'говорить, сказать', 18.22, I) **fā* 'говорить' (> як. *diä* id., чув. *te* id.), **aj* 'говорить' [4, с. 35, № 94; 9, сс. 193, 197; 18, № 28; 3, с. 451]; II) **ge* 'говорить' [4, с. 35, № 94; 12, сс. 74, 77; 7, № 28].

73. 'to see', 'видеть', 15.51, I) **kör* 'видеть' (> як. *kör* id., чув. *kur* id.) [4, с. 35, № 95; 9, с. 195; 18, № 89; 3, с. 455]; II) **üʒe* 'видеть' [4, с. 35, № 95; 12, с. 90; 2018, № 89].

79. 'to stand', 'стоять', 12.15, I) **tur* 'стоять' (> як. *tur* id., чув. *tär* id.) [4, с. 35, № 98; 9, с. 197; 18, № 45; 3, с. 482]; II) **ʒoŋso* 'стоять'; **baj* 'стоять' [4, с. 35, № 98; 12, с. 77; 18, № 45].

Обсуждение

Ни один из указанных тюркских и монгольских базисных глагольных корней устойчивого словарного фонда не имеет прямого фонетического соответствия и не позволяет установить закономерные фонетические соответствия в целях реконструкции общих базисных тюркско-монгольских корней.

Далее будут обсуждаться глаголы по пунктам, поскольку сторонниками алтайской гипотезы приводятся различные параллели, доказывающие, согласно их взглядов, родство тюркских и монгольских языков.

7. Глагол **isir* возник из тюркской основы **is* 'резать' [6, с. 672] и пратюркского аффикса понудительного залога **ir* [10: с. 117]. Глагол **tišle*-, **tišle* 'кусать' был образован от пратюркского корня **tiš*, **tiš* 'зуб' [11, с. 112] и пра-

тюркского глагольного аффикса *la- [10, с. 142]. Тюркский аффикс la-, образующий имена от глаголов проник в монгольские языки [12, с. 185].

Обращает на себя внимание то, что в монгольских языках базисный глагол 'кусать' не образуется по модели 'зуб' + аффикс образования глаголов, например: м.-п. *sidün* 'зуб' + la-, в данном случае образуется основа м.-п. *sidüle*- 'прорезываться', 'прорастать'. Монгольское слово для обозначения зуба *sidün* не коррелирует с чувашским *šäl* 'зуб' (< *čil < *tiš). Последнее закономерно соотносится с тюркским *tiš, *tiš 'зуб', ср. аз. *čiš* 'зуб', аналогичный переход *t- > č- имеет место в чувашском языке: *tiš 'колено' > *čär* id. В дальнейшем в чувашском языке происходит переход тюркской аффрикаты č- > в щелевой š-, ср. тюрк.: алт., тел. *čes* 'жест' (< *šās, *šias 'латунь') > чув. *šus* 'жест', 'белая медь'. Переход тюркского конечного согласного *-š в чувашский -l (ламбдаизм) является закономерным: *tiš 'зуб' > *šäl* id. [9, сс. 84–88], причём данный переход находится в одном ряду с переходом согласного *-s в чувашский -r (ротацизм). Последний произошёл вероятно в V веке нашей эры [15, сс. 37, 38], ср. др.-тюрк. *tuz*, чув. *tävar*, як. *tūs* (< *tūs) 'соль' > мо. **dabursun* id. > м.-п. *dabusun* id., др.-тюрк. *tiz*, чув. *čär*, як. *tühäh* (< *tiš) 'колено' > мо. **türei* 'голеннице' > м.-п. *türei* id.

Монгольский глагол *qaža*- 'кусать' является заимствованием в саларском языке *qaža*- 'грызть', о чем сообщает А. В. Дыбо [3, с. 162]. Однако данный заимствованный монголизм обнаруживается и в якутском *хаҕый*- 'рвать зубами наотмашь' и в других тюркских языках.

Нужно отметить, что при заимствовании базисный глагол становится периферийным. Значение 'кусать', то есть 'хватать, ранить зубами вообще' начинает выражать конкретизирующее и уточняющее действие, например 'грызть', то есть 'раскусывать зубами что-нибудь твёрдое'. Данное явление происходит, потому что значение 'кусать' уже занято исконным глаголом и значение заимствованного глагола трансформируется и он перемещается в периферию.

На почве тюркских языков семантика глагола *qar*- 'хватать', то есть 'брать, захватывать рукой или зубами (обычно поспешно, порывисто или внезапно)' переходит в значение 'кусать'. Тюркский глагол *qar*- с первичным значением 'хватать' проник в монгольские языки, в которых выступает в виде ср.-монг. *qabči*- 'зажимать (между ногами)', 'зажимать пальцами' [12, сс. 133, 178, 232; 3, с. 161].

Пратюркский глагол **ta*la- 'грызть' явно не соотносится с монгольским *dolija*- 'лизать', с которым его пытается сопоставить А. В. Дыбо [3, с. 161; 12, с. 71].

Чувашский глагол *s'irt*- 'кусать' М. Р. Федотов, А. В. Дыбо соотносят, например, с турецким *uirt*- 'разрывать, раздирать', якутским *siṛ*- 'прорывать, разрывать' и монгольским *žirge*- 'резать' [8, с. 157; 3, с. 162].

По видимому все указанные тюркские слова так или иначе восходят к праформе **ḡār*- 'рубить, рассекать' [9, с. 196], которая коррелирует с другой праформой **ḡir*- 'прорывать, разрывать', 'рассекать' [9, с. 197]. Основанием для этого является соответствие в тюркских языках широких и узких, твердоядных и мягкорядных гласных, ср. др.-уйг. *jar*, *jer*-, *jir*- 'расщеплять', 'рассекать'; др.-уйг. *ayla*- 'плакать, сокрушаться', *iyila*- 'плакать', *jilya*- 'плакать'; др.-уйг. *kel*- 'приходить', *kil*- 'приходить'.

Монгольский глагол *žirge*- (< *žir*-ge- [см. 22, с. 273]) 'резать' скорее всего является тюркизмом (тюрк. **ḡār*- 'рубить, рассекать', **ḡir*- 'прорывать, разрывать', 'рассекать' > турк. *jār*- 'резать'), в котором отражается процесс морфологического освоения, ср. м.-п. *kengke*-ji- (< *kengke*-ji-) 'выглядеть просторным' < *тюрк. *kāḡ* 'широкий', 'расширяться'.

Нужно отметить и попытку М. Роббитс, изучавшую глагольные соответствия алтайских языков по устойчивому словарному фонду. Она сопоставила монгольские и тюркские глаголы со значением 'кусать': м.-п. *kemeli*-, мо. **keme*- 'грызть'; др.-тюрк. *kemür*-, тюрк. **kem*- [25, с. 165]. Однако данная попытка не совсем удачная, так как указанные глаголы не обладают значением 'кусать': ср.-монг. *kemi*- 'грызть', ср.: др.-тюрк. **kemi*-, ср.-тюрк. *kemür*- 'грызть', ср. ср.-тюрк., ср.-монг. *kemik*, *kemük* 'хрящ', тур. *kemik* 'кость', а монгольские слова являются тюркизмами [12, с. 126].

14. В монгольских языках имеется переходный глагол *qala*- со значением 'жечь': м.-п. *xalaya*- 'греть, нагревать', 'жечь, ошпаривать', монг. *xalāx* 'подогревать; нагревать', 'обжигать', 'накаливать', калм. *xalax* 'греть, нагревать', 'накаливать', 'разъезжать', ср. переходный бурятский глагол *xalaxa* 'обжигаться, опаливаться'. Указанный монгольский глагол проник в алтайский язык в виде *кала*- 'гореть'. А. В. Дыбо считает, что монгольский глагол *qala*- 'жечь' является заимствованием в саларском языке: *qala*- 'сжигать, зажигать' [3, с. 191].

А. В. Дыбо пытается сравнить сарыг югурское *söyil*- 'сжигать жертву, покойника' с монгольским *sumaj* 'вид мясных пельменей', однако правомерно сомневается в этом сравнении [3, с. 190].

17. Пратюркский глагол **käl*- 'приходить' А. В. Дыбо реконструирует в виде **gejl*- 'приходить' с опорой на материалы саларского языка [3, с. 206]; однако в саларском языке в одних случаях происходит ослабление началь-

ного пратюркского согласного *k- в g-, в других — падение пратюркского согласного *-l в ауслауте через ступень -i с образованием вторичной долготы гласного: kel- > gel-, kel- > kil- > kiï- > kī-;

А.В. Дыбо пытается связать тюркский глагол *kāl- 'приходить' с монгольским реконструированным глаголом *gel- 'тихо идти, брести' [3, с. 206]: м.-п. *geldery-* 'идти медленно, прохаживаться', монг. *geldrex* 'брести, тихо идти; покачиваться, пошатываться при ходьбе' однако здесь кроме фонетического несоответствия имеется и лексическое.

20. Ср.-монг., м.-п. *ki-* 'делать, совершать', никак не соотносится с тюркским глаголом *kil-* 'делать', и в нём не выделяется аффикс *-l*. Данный глагол реконструируется в виде пратюркского корня **kil-* 'делать' [9, с. 194]. Идея морфологического членения пратюркского глагола **kil-* 'делать' основывается на якутской и татарской параллели *kīn-*, *gīn-* 'делать'. Однако якутский и татарский глаголы *kīn-* 'делать' восходят к другому пратюркскому глаголу: **kīn-* 'делать что-либо с пристрастием' и данное обстоятельство подрывает возможность членения пратюркского **kil-* 'делать' на корень **kī-* 'делать' и аффиксы *-l*, *-n*, и соотнесения его с монгольским глаголом *ki-* 'делать, совершать'.

В чувашском и якутском языках имеются и другие глаголы со значением 'делать': як. *oŋor-* 'делать', 'исправлять', 'заделывать' < тюрк. **oŋ-* 'налаживаться, исправляться'; чув. *tu-* 'делать' < тюрк. **toŋ-* 'рожать'.

Монгольский глагол **žasa-* 'делать': ср.-монг. *žasa-* 'строить, устраивать', 'наряжать, украшать', м.-п. *žasa-* 'приводить в порядок', 'исправлять', 'улучшать', монг. *zasax* 'устраивать, приводить в порядок', 'управлять', бур. *zahaxa* 'исправлять, поправлять; приводить в порядок, налаживать', калм. *zasx* 'наказывать', *jasx* 'исправлять, поправлять; приводить в порядок, налаживать' проник в тюркские языки одновременно из разных источников: др.-тюрк. *jaša-* 'строить, делать, устраивать' (памятник в честь Кюль-Тегина, 732 г.н.э.) [12, с. 204], як. *žahaj-* 'хозяйничать, управлять' (не ранее XIII века), чув. *jusa-* 'чинить, поправлять, исправлять', 'лечить', каз. *žasau* 'делать'.

22. С. А. Старостин привлекал монгольский материал: м.-п. *umda*, *unda*, калм. *undə*, *undn* 'жажда; напиток', м.-п. *umdayas-*, *umdas-* 'испытывать жажду' для реконструкции праалтайского корня **ūmī-* 'пить' [7, с. 70]. Однако монгольские реконструированные формы не могут содержать корневой огубленный согласный -m-, поскольку он возник довольно поздно под влиянием начального огубленного гласного u-, ср. ср.-монг. *undus-*, дунс. *undasu-*, калм. *undas-*, монг. *undās-*, мнгр. *ndase-* < **undayas-* 'испытывать жажду' [12, с. 89].

А.В. Дыбо сопоставляет тюрк. *iç- 'пить', м.-п. часть *eŋgelkūl-* 'приносить в жертву (пищу и напитки богам и духам)' [3, с. 217]. Но данное сопоставление не приемлемо как с точки зрения семантики, так и внешнего облика глаголов.

24. А.В. Дыбо сделала попытку реконструировать як. *siä-* 'есть', чув. *s'i-* id. в виде пратюркского **je-* 'есть, кушать', что не есть верно, так как в пратюркском языке в начале слова были глухие согласные и имелись первичные долгие гласные. Кроме того, А.В. Дыбо попыталась сравнить тюркские *siä-* 'есть', *s'i-* id. и т.д. и монгольское *žoyog* 'кушанье, яства, трапеза; пища', тюркское *aša-* 'есть, кушать' от *aš* 'еда' и монгольское *öl* 'пища', однако данные сопоставления не приемлемы как с фонетической, так и семантической стороны [3, с. 234].

33. Сторонники родства алтайских языков не предприняли ни одной попытки реконструировать общий базисный тюркско-монгольский корень со значением 'давать'. Совершенно очевидно, что пратюркское **re-* 'давать' никак не соотносится с прамонгольским **ö-* 'давать'.

39. Кроме глагола **sonus-* 'слышать' в монгольских языках был представлен глагол **duyul-* 'слушать', 'слышать': м.-п. *duyul-* 'слушать', 'слышать', монг. *dūlax* 'внять', 'узнавать, слышать, слушать', бур. *dūlaxa* 'слушать; слышать', калм. *dūlxxxv* 'слушать', 'сообщать', который С. А. Старостин пытался сравнить с тюркской формой **tinla-* 'слушать, вслушиваться', однако данное сопоставление не приемлемо с фонетическо-морфологической стороны [7, с. 76; 12, с. 115].

А.В. Дыбо были предприняты разнообразные попытки сопоставления слов со значением 'слышать' в тюркских и монгольских языках [3, сс. 328, 329, 330, 331]:

- 1) тюрк. **elit-* 'слышать' (> *eŋit-*), монг. **aldar* 'слава, почет', монг. **asara-* 'заботиться'; указанные слова не имеют ничего общего, так как согласный -l- в чув. *ilt-* 'слышать' является закономерным развитием -š- [9, сс. 55, 84–88, 163]; также чув. *ilt-* 'слышать' восходит к пратюркскому глаголу **äŋit-* 'слышать', образовавшемуся от корня **äŋ-* 'слышать' и понудительного аффикса **t-* [10, с. 116].
- 2) тюрк. **duj-* 'чувствовать' (> *duj-* 'слышать'), монг. *duyul-* 'слушать, слышать'; на самом деле современное тюркское *duj-* 'слышать' восходит к пракурно **tuj-* 'чувствовать' [9, с. 197] и не может быть сопоставлено с монг. *duyul-* 'слушать, слышать' в целях реконструкции тюркско-монгольского базисного корня со значением 'слышать'.
- 3) тюрк. **uk-* 'понимать' (> *uk-* 'слышать'), монг. *uka-* 'понимать, думать'; истинным является то, что тюркское **uk-* 'понимать' [9, с. 198] было заимствовано носителями монгольских языков в виде *uka-* 'понимать, думать' [12, с. 167] и вследствие этого па-

раллель тюрк. *uk- 'понимать', монг. uka- 'понимать, думать' не может рассматриваться как наследие общего тюркско-монгольского праязыка.

- 4) тюрк. *dīŋla- 'слушать', мо. *čīŋla- 'слушать', м.-п. čīŋna- 'слушать'; в действительности тюркское dīŋla- 'слушать' восходит к праформе *tīŋla- 'слушать, вслушиваться' [11, с. 115] (> чув. *tānla-* 'слушать'), а монг. čīŋla-, čīŋna- 'слушать' являются тюркизмами [12, сс. 156, 241], последняя форма была заимствована носителями якутского языка: čīŋnā- 'прислушиваться'.
- 5) тюрк. aŋla- 'слышать', 'слушать', монг. aγudala- 'искать, рыться в чем-либо'; тюркское aŋla- 'слышать', 'слушать' возникло из глагольно-именного омонима *āŋ 'сознание/вспоминать, припоминать' и не соотносится с монгольским глаголом aγudala- 'искать, рыться в чем-либо'.

48. А.В. Дыбо также предприняла попытки сопоставления слов со значением 'знать' в тюркских и монгольских языках [3, сс. 349, 350]:

- 1) тюрк. *bil- 'знать', монг. *bele- 'готовить'; более обоснованным является то, что тюркский глагол *bil- 'знать' восходит к пратюркскому корню *pil- 'знать' [9, с. 195], который не обнаруживает общности с монгольским глаголом *bele- 'готовить'.
- 2) тюрк. uŋna- 'знать', монг. uka- 'понимать, думать'; А.В. Дыбо считает, что монг. uka- 'понимать, думать' соответствует тюркскому uŋna- 'знать', однако, как только, что мы убедились монгольский глагол сравнивается в пункте № 39 с тюркским глаголом *uk- 'понимать', причём монгольский глагол является тюркизмом.
- 3) тюрк. *tanu- 'узнавать', монг. *taŋna- 'разузнавать, выведывать'; в реальности тюркское *tanu- 'узнавать' выступает в древнетюркских памятниках в форме tanī- со значением 'знать, быть знакомым' и является ранним иранским заимствованием: перс. dānistān- 'знать, узнавать', dān- — основа настоящего времени [12, с. 153] и поэтому не является родственным монгольскому глаголу: м.-п. taŋna- 'справляться, осведомляться, наводить справки'. Следует также иметь в виду, что тюркский глагол tanī- 'знать, быть знакомым' проник в монгольские языки: ср.-монг., м.-п. tanī- 'знать, узнавать' [12, с. 153].

72. А.В. Дыбо сопоставила слова со значением 'говорить, сказать' в тюркских и монгольских языках [3, сс. 451, 452, 453]:

- 1) тюрк. *dē- 'сказать', монг. *dawu 'голос, песня'; на самом деле тюркский глагол *dē- 'сказать' восходит к пратюркскому корню *tā- 'говорить' [9, с. 197], который не соотносится с монгольским словом: м.-п. *dawun* 'звук, шум; голос, тон'.
- 2) тюрк. *aj- 'говорить', монг. ajalū 'мелодия'; пратюркский корень *aj- 'говорить' [9, с. 193] не имеет ничего общего с м.-п. ajalū 'мелодия', поскольку последнее возникло

из производящей именной и глагольной основ м.-п. aja 'звук, мелодия' > м.-п. ajala- 'напевать, петь'.

- 3) тюрк. *kele- 'говорить', монг. *kele- 'сказать, говорить'; в действительности монгольское kele- довольно позднее образование, возникшее в результате заимствования тюркского глагольного аффикса *la-* [12, сс. 185, 186], кроме того на почве монгольских языков обнаруживается упрощение в результате гаплогонии *la-*: м.-п. *kelele-* 'говорить' (< *kelen* 'язык' + *la-*) > м.-п. *kele-* 'говорить'. Преобразование *kelen* 'язык' в глагол *kelele-* 'говорить' подтверждается тюркской моделью *tīl* 'язык' > *tilda-* 'говорить'. Монгольское: м.-п. *kele-* 'говорить' скорее всего проникло в чувашский язык в виде глагола *kala-* 'говорить', последний не имеет надежных тюркских параллелей и является изолированным словом, отражающим чувашско-монгольские языковые контакты.
- 4) тюрк. *öt- 'петь; сказать, говорить', монг. *öči- 'докладывать, сообщать; молиться'; в сущности тюркский глагол *öt- 'петь; сказать, говорить' восходит к пратюркскому корню *öt-* 'петь (о птицах)' с первичным долгим гласным [9, с. 195] и не соотносится с монгольским глаголом: м.-п. *öči-* 'говорить, отвечать, давать показания, показывать, свидетельствовать'.

73. А.В. Дыбо обнаруживает тюркско-монгольский глагольный параллелизм *qara-* 'смотреть' [3, с. 459]. Однако здесь тюркский глагол является монголизмом [12, сс. 31, 208].

79. Монгольский глагол **žoyso-* 'стоять': м.-п. *žoyusu-* 'вставать, стоять на месте', монг. *zogsax* 'стоять на ногах; торчать', 'останавливаться, приостанавливаться; переставать; прекращаться', бур. *zogsxo* 'стоять, торчать', калм. *zogsx* 'стоять; находиться где-либо' проник в якутский язык: *žoxsoj-* 'нахохлиться, ошестиниться, вздымать загривок', 'принимать воинственный вид, горячиться, петушиться'.

Как показал анализ имеются факты заимствования глаголов устойчивого словарного фонда из тюркских языков в монгольские и наоборот.

Заключение

Тюркские и монгольские языки имеют много общего. Общность была истолкована одними исследователями как наличие общего тюркско-монгольского праязыка, другими — как результат конвергенции, контактов и заимствований языков алтайской общности.

На основе исследования глаголов устойчивого словарного фонда, имеющих общность со списком М. Сводеша становится очевидным, что ни один из указанных тюркских и монгольских базисных глагольных корней не имеет прямого фонетического соответствия и не позволяет устано-

вить закономерные фонетические соответствия в целях реконструкции общих базисных тюркско-монгольских корней. Это обстоятельство подвергает сомнению родство тюркских и монгольских языков и свидетельствует об их конвергенции, которая засвидетельствована фактами контактов, что привело к взаимному одновременному заимствованию глаголов начиная с V века н.э. в Центральной Азии (Монголия) в зоне степей.

Сокращения:

аз.— азербайджанский язык
алт.— алтайский язык
бур.— бурятский язык
др.-тюрк.— язык памятников древнетюркской письменности

др.-уйг.— древнеуйгурский язык
дунс.— дунсянский язык
калм.— калмыцкий язык
м.-п.— монгольский письменный язык
мнгр.— монгорский язык
мо.— монгольская языковая семья
монг.— монгольский язык
м.-п.— монгольский письменный язык
перс.— песидский язык
ср.-монг.— среднемонгольский язык
тел.— телеутский язык
тур.— турецкий язык
тюрк.— тюркская языковая семья
чув.— чувашский язык
як.— якутский язык

ЛИТЕРАТУРА

1. Бётлингк О. Н. О языке якутов. — Новосибирск: Наука, 1990. — 644 с.
2. Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема // Вопросы языкознания. 1981, № 4, сс.35–44.
3. Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. — Астана, Prosper Print, 2013. — 616 с.
4. Клоусон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории // Вопросы языкознания, 1969, № 5. — Стр. 22–41.
5. Поппе Н. Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам. I, II, Изв. стия Российской Академии Наукъ. VI серия, 1924, том 18, выпуск 12–18, сс. 289–314.
6. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. — Москва: Наука, 1974–767 с.
7. Старостин, С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка / С. А. Старостин; АН СССР, Ин-т востоковедения. — М.: Наука, 1991. — 296 с.
8. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Том II. Чебоксары, 1996. 509 с.
9. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, под редакцией А. Н. Кононова. — Ленинград, Наука, 1970. — 204 с.
10. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Ответственный редактор С. Н. Иванов. — Ленинград, Наука, 1981. — 183 с.
11. Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. Ответственный редактор Л. А. Покровская. — СПб, Наука, 1994–192 с.
12. Щербак А. М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). — СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1997. — 292 с.
13. Щербак А. М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., Наука, 2005. — 195 с.
14. Яхонтова Н. С. Монгольские языки // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. — Москва, Индрик, 1997. — 408 с.
15. Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. — London, 1962. — 261 p.
16. Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Tungusica. 3, Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1985.
17. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. I–IV, Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1963–1975;
18. Erdal, M. The Turkic-Mongolic relationship in view of the Leipzig-Jakarta list. In: Novgorodov, I. (eds.) Unpublished Proceedings of 2016 International Symposium “The Leipzig-Jakarta list of the Turkic languages as a source of the interdisciplinary comprehensive studies” (2016)
19. Loanwords in the world's languages: a comparative handbook / edited by Martin Haspelmath, Uri Tadmor. Walter de Gruyter GmbH & Co. — Berlin, 2009. — 1081 p.
20. Novgorodov I., Gadzhikhmedov N., Ketenchiev M., Kropotova N., and Lemskaia V. Chulyrm Turkic is a Uralian Kipchak language according to the Leipzig-Jakarta list. In: Zhanna Anikina (ed.). Proceedings of the 2nd international conference Going Global through Social Sciences and Humanities, held in Tomsk, Russia, 27–28 February 2019. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol. 907, pp. 411–419. Springer Nature Switzerland AG (2019).
21. Miller R. Japanese and the other Altaic languages. University of Chicago Press, 1971. — 350 p.
22. Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies. — Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. — 300 p.
23. Poppe N. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. T. 1. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
24. Ramstedt G. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. 2 volumes. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952–1957.
25. Robbeets M. Diachrony of Verb Morphology: Japanese and the Transeurasian Languages. — Berlin: De Gruyter Mouton; 1 edition (July 24, 2015). — 569 pages.
26. Swadesh M. The origin and diversification of language. Edited by Joel Sherzer. Foreword by Dell Hymes. — Chicago, Aldine, Atherton, 1971. — 350 p.
27. Swadesh M. Towards Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating. International Journal of American Linguistics. Vol. 21, No. 2 (Apr., 1955), pp. 121–137.
28. Vovin A. Korea-Japonica: a re-evaluation of a common genetic origin. Honolulu: University of Hawai'i Press: Center for Korean Studies, University of Hawai'i, 2010. — 278 p.